

Звонок, просверливший Луизе череп, возвестил об окончании последнего урока. Класс загрохотал. Учительница литературы не успела дорассказать триллер, как какой-то Раскольников топором зарубил старуху. Что-то интересное, но из программы старших классов. Кидая учебники в рюкзаки, девятиклассники устремились к двери, где образовалась маленькая давка. Луиза не спеша собрала все с парты и вышла из класса последней. После уроков голова, обычно качавшаяся на плечах, будто полная кастрюлька боли, сегодня плескалась меньше. Или это так казалось Луизе.

Отец в командировке, а это значит, что целый вечер пятницы, субботу и воскресенье они с сестрой будут предоставлены сами себе. Могут даже посмотреть парочку мрачных ужастиков про подростков, которые у отца обычно под запретом. Жаль, что Вадик именно на эти выходные уезжает

за город. На родительской даче надо прибить то, поправить се. А руки у Вадика растут из того места, из какого надо.

Взяв из гардероба свою любимую объемную куртку, как у девчонок из американских фильмов про колледж, Луиза подошла к зеркалу. Она правда бледная как бумага или это такое освещение? С утра брови были подкрашены криво, правая получилась длиннее и выше левой. На перемене Луиза пыталась стереть карандаш, и теперь на лбу получилась мазня. Она послунявила палец и потерла серые разводы. Брови исчезли совсем. Растопыренными пальцами попыталась взбить свои блондинистые волосы, цветом которых она по-настоящему гордилась, но они все равно лежали как-то плоско. Ничего, сейчас Луиза дойдет до дома и сделает все как следует. Может быть, они с сестрой даже примут по очереди ванну с душистыми бомбочками.

Модной одежды у Луизы немного, но все-таки кое-что есть. Старшая сестра Аня, которую Луиза зовет Нюктой, покупает ей вещи на распродажах, одевает так, как хотела бы наряжаться сама, но ей запрещает отец. Он строго следит, чтобы она донашивала мамину одежду, даже трусы: все старое, то, что маман не захотела прихватить с собой в Париж, где теперь живет со своим месье.

У Нюкты всегда есть немного денег, втайне от отца она пишет курсовые на заказ. И еще водительские права: отец велел ей ходить на курсы, чтобы она потом забирала папочку с пьяных

междусобойчиков и на следующее утро отвозила его, смердящего похмелем, в офис.

В школьном дворе ветер нес и закручивал по асфальту мертвые листья. На голове у бюста Достоевского, чье имя носила школа, сидел пухлый голубь. Этот бюст Луиза не любила. Достоевский острым носом, впалыми щеками и сверлящим взглядом напоминал отца. Хотя отец никаких романов не писал.

Мимо бюста, пиная мяч, пробежали пацаны из «А» класса. Голубь с шумом снялся, оставив на голове остроносого большую белую кляксу. Сквозь прутья школьного забора Луиза увидела припаркованный буквально в двух шагах старый отцовский «лексус» цвета ложек и вилок из школьной столовой и такой же исцарапанный. Неужели козел уже вернулся из командировки? Тоска. Значит, нормально отдохнуть не получится.

— Изи, давай в машину! Быстро! — у водительской дверцы стояла сестра.

На Нюкте был деловой костюмчик, в котором мама когда-то вела уроки в этой самой школе: преподавала французский. Вот только на сестре костюм сидел странновато. Одно плечо пестренького пиджака завалилось, бежевая юбка, облегавшая мамины бедра ладно и туго, на сестре болталась мешком. На ногах у Нюкты белели нелепые парусиновые тапочки, которые отец купил ей специально для вождения.

— Изи, поторопись. — Нюкта нетерпеливо замахала рукой.

А, так сестра одна в машине! Луиза бросилась бегом и едва не налетела на литричку. Учительница посмотрела на Луизу и всем своим видом — заломленной крашеной бровкой, поджатым подбородком — выразила сострадание пополам с осуждением. Луиза, бормоча извинения, попыталась обогнуть ее монументальный корпус. Но литричка обернулась и потрепала Луизу по голове, словно щенка.

Ну конечно, все жалеют сестер Угаренко, которых кукушка-мать бросила еще маленькими и теперь в Париже ест фуа-гра и пьет шампанское.

— Изи! — донеслось пронзительное.

Обычно Нюкта не повышает голос, особенно на людях. Поэтому Луиза почувствовала неладное. У ворот, аккуратно рядом со знаком «Стоянка запрещена», которую Нюкта проигнорировала, шатался мордатый охранник. По его почти ласковому взгляду и влажной ухмылке Луиза еще раз убедилась, что отца в «лексусе» нет.

Сестра была, как всегда, аккуратно причесана и накрашена. Ее маленькое личико источало свет, подобный лунному. На шее плясал с ветром газовый платок, обнажая скобочки старых синяков, похожие на мазки йода.

— Быстрее! — скомандовала сестра и села за руль.

Луиза закатила глаза и, скинув рюкзак, плюхнулась на переднее пассажирское сиденье. Боль в голове колыхнулась.

— Ну и погода сегодня. А какое солнце! Куда мы едем? Давай в Парк Горького? Погуляем! Мы там в последний раз были года два назад.

— Три, — поправила сестра и после паузы добавила: — Я это сделала.

— А кстати, почему такая спешка? — Луиза утрамбовала рюкзак между ног.

— Я. Это. Сделала.

— Что? — рассеянно спросила Луиза.

— Я убила его.

— Как?

— Как и планировали, — сухо ответила Нюкта и завела мотор. Тот рыкнул, задохнулся, выровнялся.

— Планировали как сестры Хачатурян! Вместе! — Луиза возмущенно пихнула сестру. Пестренский пиджак пожал плечами.

— Так вышло. Или я его, или он меня.

— Поверить не могу, что ты одна это сделала. — Луиза обернулась в салон, сзади лежала отцовская спортивная сумка.

— Так будет лучше для нас обеих.

— Не для тебя. — Луиза кивнула на сумку. — Теперь бежим подальше? Ты и мои вещи собрала?

— Конечно.

— Поверить не могу, — буркнула Луиза и ссутулилась.

Она вдруг почувствовала, как по жилам побежала взрослая тяжелая кровь. Не было ни привычного любопытства к проезжающим мимо дорогим тачкам, ни робости перед их богатенькими

пассажирами. И хоть мечта сбылась, раз отец мертв, никакого чувства освобождения не возникло. Не так она представляла себе этот побег, когда следила за делом Хачатурян. Сестры стали для Изи кумирами, она вступала во все возможные группы поддержки и там строчила длинные посты о несправедливости меры наказания девчонкам, которым и так досталось в этой жизни.

Луиза скосилась на Нюкту. Вдруг показалось, что сестре лет тридцать пять. Столько, сколько было матери, когда она сбежала в свой Париж.

— Что? — не выдержала Нюкта. — Что ты сверлишь меня взглядом?

— Это была моя идея.

— Изи, тебе было бы легче, если бы он прирезал меня твоим любимым ножом? — Нюкта сделала акцент на «любимым». — Кстати, хорошо, что ты наточила его.

— Куда ты его воткнула? — холодно спросила Изи и зыркнула на потемневший пластырь на указательном пальце.

— Под лопатку.

Изи кивнула, представляя эту картину. Хорошо. Так ему и надо. Со спины унизительнее.

План убить отца у Изи зародился давным-давно. Может быть, даже раньше, чем у сестер Хачатурян. Если бы только она могла достать оружие, как в боевиках! Давным-давно бы убила его. А с ножом идти на отца опасно, кулак у него страшно тяжелый. Изи поежилась, вспоминая, как ныла спина от отцовского воспитания.

Миновав буквально два светофора, «лексус» встал в пробке. Нюкта нервничала. Дергала машину, если впереди появлялся хотя бы метр свободного пространства. Пробка тянулась сколько было видно глазу и напоминала стеклянистую пыльную гусеницу.

Ремни резко притянули сестер к креслам, «лексус» едва не поцеловал задний бампер забрызганного белого «мерседеса». Нюкта поджимала губы, маленькие ее ноздри раздувались от гнева. Она то и дело смазывала с лица локон, крашеный в цвет воронова крыла. Именно такие были волосы у матери, сколько Луиза себя помнила. А вот какой натуральный цвет у Нюкты, она не смогла бы сейчас сказать. Не видела даже отросших корней. Отец раз в две недели отправлял сестру в эконом-парикмахерскую, сунув ей мятые рубли на покраску.

Прозвище Нюкта появилось еще в детстве, когда Луиза пыталась повторить за мамой ласковое — Анютка. А уже в четвертом классе, записавшись в детскую городскую библиотеку, она прочитала, что так звали греческую богиню ночи, и прозвище закрепилось окончательно. По ночам отец боготворил Нюкту. Луиза накрывала голову подушкой, но все равно слышала, как бьется о стенку изголовье отцовской кровати.

Изи опустила окно и высунула руку: мягкая теплынь, какая бывает летними вечерами. Как же хорошо не ходить в школу. Почти каникулы! Разве что будет не хватать Людки и Светки: теперь

подружки будут бегать в кино без нее. И Вадик. Изи резко соскучилась и загрустила.

Белобрысый, с ямочками на румяных щеках, Вадик смахивал на типичного персонажа подростковых сериалов. С ним никогда не было страшно или грустно. Руки у Вадика мозолистые и всегда теплые, даже на холоде. Бывало, он забирался крадущимися пальцами под выпростанный из юбки край рубашки, и крючки-застежки лифчика плавись. Изи заливалась краской, сутулилась, скукоживалась, лихорадочно вспоминала, где у нее под рубашкой сегодня синяки. И Вадик убирал руку.

Но когда Вадик бывал сосредоточен, его синие глаза светились злым холодом. Изи его ни капельки не боялась, она знала, что Вадик обязательно ее защитит. Осторожно потянулась к телефону в плюшевом чехле. И как чувствовала! Брякнуло уведомление. Экран засветился. Конечно, от Вадика!

— Не смей отвечать! — резко бросила Нюкта и дернула машину в правый ряд.

— Даже бабушке?

— А это от бабушки? — хмуро спросила Нюкта.

— Пока нет, что удивительно, кстати.

— Ничего удивительного, чатилась, наверное, всю ночь, а сейчас спит.

— Нюкта, может, написать ей? Она нас любит, будет волноваться.

— Тебя, она тебя любит, а не нас.

Изи закатила глаза.

— От телефона избавимся при первой возможности. Его ничего не стоит отследить

по геолокации, — впечатала холодным голосом Нюкта.

Об этом Изи не подумала. Скосивши глаза, прочла сообщение: «Ты где, львенок?» Перевела айфон на беззвучный режим. Расстаться с телефоном значило начать жизнь с чистого листа. И хоть Изи давно этого хотела, избавляться от почти новенького гаджета в ее планы не входило. Там хранились сокровища, фотографии с Вадиком и вся с ним переписка с момента знакомства и до сегодняшнего дня. Она не удаляла ничего даже под страхом, что отец рано или поздно возьмет телефон. Например, за старым андроидом Нюкты он следил постоянно.

Изи зло глянула на сестру. Стоило делать такой подарок, чтобы забрать потом? Но тут же запретила себе так думать. В конце концов, если бы не Нюкта, айфона вообще бы не было. Этого дня рождения Изи ждала долго. Она мечтала отметить пятинадцатилетие с девчонками, сначала пойти в кино, а потом в кафе. Папенька сначала мечту поддержал, так как, видимо, не знал, что дарить дочери-подростку. Пообещал дать денег и разрешил звать подруг. Но потом всучил обмусоленные двести рублей, и по его равнодушному взгляду стало понятно, что лучше не задавать вопросов.

Изи выкрутилась. Притворилась больной: «Простите, девчонки, в другой раз» — и осталась дома. Бродила по комнате и прикидывала, как бы так упасть, чтобы виском об угол стола. Но пришла Нюкта, скинула мамино пальто в черно-белую

тюремную клетку и загадочно улыбнулась. Изи сощурилась, как делала часто, и сквозь ресницы расплывчатая Нюкта в мамином вязаном платье (и как она в нем ходит? Оно же колючее!) показала мамой.

— У меня для тебя подарок, — заговорщически прошептала Нюкта.

Изи широко распахнула глаза.

Не мама — сестра протягивала Изи небольшую коробку с бантом. Изи нетерпеливо разорвала золотую обертку и взяла в обе ладошки белую коробку, словно из хрупкого фарфора, с надписью iPhone. Как хорошо, что не стала падать на угол стола!

Телефон был тяжеленький, гладкий, самый настоящий. С такими ходили только старшеклассницы.

— Нюкта, вауч! Спаси-и-ибо! — Изи повисла на сестре, вытирая слезы о ее платье. Какое же оно все-таки колючее!

Вместе они настроили все приложения, и уже вечером Изи зависала в чатике для знакомств, переписываясь со второкурсником «Вышки» (а там, на минуточку, учатся парни из благополучных семей, не то что Угаренко). Вадим, Вадичка, Вадик. Через неделю он позвал ее во «Флаконе» и купил сразу три пирожных в модной кофейне. Три, потому что Изи не могла выбрать какое-нибудь одно. Теперь Изи не могла себе представить, что Вадик исчезнет из ее жизни. Нет, они с Нюктой обоснуются в безопасном месте, и Вадик обязательно туда приедет.

А пробка все тянулась. Впереди явно авария. Машины поочередно сливались из двух полос в одну, похрустывающую пластиком и стеклом.

Слева Изи увидела полицейский автомобиль и скорую с распахнутыми задними дверцами, куда санитары загружали носилки. Прикусила дрожащую губу и отвернулась. Справа их «лексус» поджимал старенький «шевроле» цвета яблочного компота. Внутри, нависая над рулем, словно бегун на старте, сидел мужик. Его прилизанные темные волосы казались тоненькой просвечивающей шапочкой. Он как будто услышал мысли Изи и резко обернулся. Глаза большие и светлые, почти желтые.

Как фары, подумала Изи и потупилась. Нюкта все так же нервничала и дергалась. Когда Изи снова выглянула в окно, мужик оказался совсем близко, буквально на расстоянии вытянутой руки, и еще пристальнее впился в нее желтизной.

Он все знает! Выследил нас. Иначе зачем так притираться и пялиться. Хочет нас задержать! Пугать и шантажировать!

По спине Изи побежали колючие мурашки, оставляющие за собой липкое чувство страха.

— Нюкта, глянь, — осторожно окликнула Изи.

— Этот старый козел меня не пропускает. — Нюкта локтем указала на притершийся «шевроле».

— Ты этого мужика знаешь?

Нюкта удивленно покосилась на сестру.

— Еще чего! Мне хватило одного старого мудака. — Нюкта притормозила. — Ты посмотри, какой наглый.

В этот момент желтоглазый крутнул руль и прорвался прямо перед «лексусом», предъявив сестрам помятый, словно искаженный саркастической ухмылкой, задний бампер.

Когда закончились конусы ограждения, Нюкта резко вырулила на скоростную полосу. Свободная трасса гладко потекла под колесами. Изи прислушалась к себе. Головная боль почти прошла.

— А как же наша кошка? — спохватилась Изи. — Ты же говорила, что, кроме нас с тобой, ее никто не видит. Допустим, я в это не очень верю. Но только мы ее кормим. А вдруг она от голода умрет?

— Не переживай. Мина без нас не пропадет, а вот мы без нее... — сказала Нюкта и о чем-то задумалась.

Наверняка тоже переживает из-за Миной. Небольшая узенькая кошечка, словно одетая в черный шелк, сама выбрала сестер Угаренко в подруги. Пришла однажды в подъезд и впиалась когтями в обитую дерматином дверь. Орала и драла, пока не впустили, не вычесали маминым гребнем и не накормили ливерной колбасой. А потом как ни в чем не бывало ушла и обосновалась на первом этаже под почтовыми ящиками. Нюкта вынесла ей коробку из-под маминых сапог, застеленную куском старого байкового одеяла, поставила блюдце и мисочку для воды.

Когда отца не бывало дома, чтобы соседи не услышали и не донесли, она тихонько в мягких тапочках спускалась и подкладывала кошке

вкусненького. Если Нюкта где-то задерживалась, кошка черной атласной лентой извивалась у двери в квартиру. Глаза ее горели в темноте подъезда, как две луны. Когда Нюкта наконец появлялась, кошка терлась о ее ногу и вслед за ней проскальзывала в квартиру. При дневном освещении глаза ее были яркие, как тархун в граненом стакане. Изи кошка не очень доверяла. А Нюкта легко подхватывала существо под брюхо и ласково гладила. Мурчание Мины напоминало тарахтение маленького моторчика.

Однажды Изи и Нюкта нарвали полыни, чтобы искупать Мину в травяной ванне и так избавить от блох. Мина терпела и теплую воду, и как, давя ногтями вредителей, сестры пощипывали ее тощие бока. Полынью пропахло и полотенце, и руки, и вся квартира Угаренко. Отец, едва переступив порог квартиры, стал водить носом, искать источник запаха. Мину, выскользнувшую из квартиры буквально у него под ногами, он каким-то чудом не заметил. Но сопоставил запах с кошачьим хозяйством внизу и предупредил, что, если увидит в квартире кошку, проломит ей череп. Сестры в этом и не сомневались.

«Лексус» набирал скорость. На пару секунд поравнялся со злосчастным «шевроле», Изи посмотрела свысока на водителя. И что это она его так испугалась? Обычный работяга.

— Ну что, схавал? — бросила довольно Изи, будто желтоглазый мог ее услышать.

Нюкта ухмыльнулась и, пришпорив «лексус», рванула вперед.

— Я сейчас обоссусь. Мы едем уже два часа... — заканючила Изи. — И так есть хочу, давай завернем в кафе? Я не ходила в буфет в школе.

Нюкта не среагировала, но, как только впереди замаячила заправка, словно собранная из конструктора лего, перестроилась в правый ряд.

Встали в очередь к пистолетам. Впереди пофыркивал немытый жигуленок. Его пассажирское окно было приоткрыто. Изи отстегнула ремень и собралась выскочить из машины, чтобы рвануть в туалет.

— Подожди, — строго сказала Нюкта отцовским тоном. — Отключи все уведомления на телефоне и закинь его в ту машину.

— Чего? — не поняла Изи.

— Те-ле-фон!

— В смысле? — Изи сделала круглые глаза. — Ты прикалываешься? Сначала моим ножом сходяйничала, теперь тут командуешь. Ты мне не мать.

— Давай быстро, пока водитель ушел платить. — Нюкта наклонила голову. — Нас будут искать и зацепятся за геолокацию.

— Да можно же просто сбить настройку, и фиг они найдут.

— Пусть гоняются, но не за нами. У нас будет время, чтобы уехать подальше.

— Куда подальше-то? — вспылила Изи.

— Мы едем в кризисный центр «Спаси сестру». Помнишь, я рассказывала про Мару?

— Это так ты меня спасаешь? — прошипела Изи.

Изи кипела. Почему Мара, всего лишь подружка Ньюкты по водительским курсам, знает, а Вадик — нет. Для него она должна просто молча исчезнуть. Это несправедливо. Молча вышла из машины и хлопнула дверью так громко, что заправщик, пересчитывающий мятые чаевые, удивленно вскинул кустистые брови-бровищи.

Изи достала телефон и, обернувшись к сестре, помахала им, мол, смотри, ты этого хотела — я это делаю. В кармане у нее лежал тяжеленький, того же размера, что и айфон, пауэрбанк. Полукотвернувшись, Изи заменила айфон на батарею и опустила ее в щель окна. Огляделась по сторонам. Никто не видел. Заправщик пялился на Ньюкту глазами школьного охранника.

Изи закрылась в туалете, покорчилась перед зеркалом. Ловко она провернула дельце! А Вадика все-таки стоит написать. Набрала: «Мы с сестрой уехали из Москвы, потом все объясню. Люблю тебя!»

Сообщение запиликало и тут же засветилось голубым — Вадик прочитал. Захотелось позвонить ему и все рассказать. Он бы понял и помог. Дверь дернулась, снаружи кто-то уже ломился. Изи отключила уведомления на телефоне и села справлять нужду. Дверь притихла.

Когда она вышла, у туалета стоял мужичок с пузом и большим картошкообразным носом.

— Заглушать надо ручьи свои, — выплюнул мужичок и скрылся за дверью.

— Козел, — исподтишка бросила в дверь Изи и отыскивала глазами Ньюкту.

Проснувшись с тяжелого похмелья, Кыса обеими руками принялся ощупывать виски и затылок, как бы проверяя, на месте ли его большая круглая рыжая голова. А ведь сегодня на два адреса надо сгонять, подумал он и в изнеможении прикрыл глаза. Так болело меньше.

Вчера он после тяжелого рабочего дня решил расслабиться с компьютерной стрелялкой. Такие игрушки идут обычно под пиво, но пролетарского пойла он не признавал и потому достал из бара ополовиненного по глоточку казахстанского «Джонни Уокера».

К двум часам ночи, когда его в девятый раз сожрали монстры из виртуальных лабиринтов, он вдруг обнаружил, что бутылка пуста. Может, отменить на сегодня все, засомневался было Кыса, но тут же представил материнское укоризненное молчание, это ее фирменное оружие, и злую

остроносую морду зятя. Если сейчас же не встать, морда опять затынет свое: «Где деньги? Когда вернешь долг?» Не было ни дня, чтобы Кыса не пожалел, что поддался на уговоры сестры и связался с ее хамоватым муженьком-бизнесменом. Тот торговал компьютерами, но сам не шарил ни в программном обеспечении, ни в обслуживании.

«Ты поможешь нам, а мы тебе!» — убеждала сестричка.

Справедливости ради, сначала все шло действительно хорошо. Кыса быстро завоевал доверие зятя и заполучил долю в бизнесе. Доля, правда, оказалась микроскопической. Деньги пошли, но не особо крутые, так, чтобы угостить приятелей в баре. Кто конкретно и когда придумал Ивану Петровскому кличку Кыса, теперь не вспомнить. Вроде как раньше в универе Ванька обзывал всех крысами, но не выговаривал «р». Он и сейчас иногда проглатывает буквы, когда нервничает или злится.

Сладкой жизни не было, и однажды Кыса закупил партию компов подешевле, чтобы подшаманить и заработать уже серьезные деньги. Покупатели вдруг оказались не такими простофилями, как он рассчитывал. Пошли возвраты по гарантии, и, что самое подлое, зять все понял. Кысу выгнали, как собаку, и поставили на счетчик. Остроносый не считал родню жены за своих, по крайней мере, угрозы отжать квартиру тещи в сталинке, в которой жил Кыса, звучали убедительно. Иногда в старушечьем сухоньком лице Анькиного мужа

проскальзывало что-то демоническое, что пугало и Аньку, и маму, и Кысу.

Он встал и, пошатываясь, в одних трусах побрел в туалет. В широком коридоре его мотало от стены к стене. Пару раз он чуть не сшиб какие-то антикварные пейзажики в курчавых рамочках. Туалет был занят.

— Тыфу ты, — выругался Кыса и дважды нажал на выключатель. — Ма, ты долго еще?

Под дверью погасла и снова появилась желтая полоска света.

— Проснулся наконец, — проворчала мать, открывая дверь. На паркете светлела протертая дверным углом широкая дуга.

— Могла и разбудить, — пробормотал Кыса и протиснулся в ванную, поцарапавшись о гвоздь, торчавший из косяка.

— Разбудишь тебя, ага, — сквозь зубы ответила мать и, хватаясь за стену, как Кыса пять минут назад, проковыляла босиком на кухню. — И осторожнее с гвоздем, когда ты, наконец, его забьешь?

Толстые бесформенные щиколотки матери были темного цвета, словно в носках. Она медленно переставляла ноги, каждый раз с усилием отрывая ступни от паркета. На щербатых, когда-то пшеничного цвета шашках оставались потеки лимфы. Кыса скорчил гримасу и в очередной раз подумал, что пора бы с этим что-то делать. Сама мать сутками пропадала за компьютером и все диагнозы, как и методы лечения, искала в сети.

Щелкнул шпингалетом, отвернул краны, пустил в необъятную чугунную ванну резкую струю. Шипение превращалось в рокот. Эмаль на ванне кое-где откололась, и струя, бурча, будила в ней гулкое эхо. Заглянул в зеркало, лицо похоже на полуснятый шерстяной носок. Подставил затылок под воду, облегченно вздохнул, головная боль отступала.

Мать за стенкой то ли пела, то ли выла. Кыса хотел понежиться в теплой воде, но понял, что опаздывает. Быстро почистил зубы, поскоблил ногтями кусты волос под мышками и насухо обтерся полотенчиком для рук лавандового цвета, большого полотенца в ванной не нашлось. Сбрызнул туалетной водой кадык и свежую пунктирную царапину от гвоздя на белых ребрах. Вышел и стал собирать одежду по спальне. Носки под компьютерным креслом, футболка на изголовье кровати, брюки на стремянке у книжного шкафа. Собрав сумку, сунулся в комнату матери. Та как будто не хотела замечать сына. Кыса заглянул было в ее компьютер, но она тут же свернула окно.

— Ты с Анькой переписываешься? — зло спросил Кыса.

— И с ней тоже, — просто ответила мать.

— Ты бы поменьше слушала сказочницу нашу, что она опять тебе обещает?

Мать отвернулась и надела наушники. В них захрипел миниатюрный Высоцкий.

— Да не приедет она за тобой, — бросил Кыса и, подхватив рюкзак, вышел из квартиры.

Первый клиент на другом конце города. Кыса прикинул, сколько времени уйдет на дорогу, может быть, и не опоздает. Худой и длинный, он быстро нагонял прохожих, расчищая дорогу глазами злой собаки. Спустился в подземку и расслабился, рельсы озарились, поток людей подхватил его и понес к поезду.

Сестренка, конечно, подставила. Теперь остроносому уходит все, что удастся закалымить. И ладно бы деньги шли племянницам, ему даже было неловко оттого, что сестра бросила девочек. Но девицы содержались скудно, а старшую он вообще ни разу не видел в чем-то, кроме материнских обносков. Куда деваает деньги этот Кощей — непонятно.

Вообще Кыса жалел о многом. Например, что давным-давно подарил матери отдельный компьютер и зарегистрировал пенсионерку в социальных сетях. Сначала она установила на аватарку свое старое фото, где была похожа на какую-то актрису. Общалась только с дочерью и любимой внучкой Изи. Потом узнала, что можно использовать чужие фотографии, имена и фамилии людей, которых когда-либо встречала (или не встречала), и стала проживать сразу много жизней. Заводить знакомства, влюбляться в молодых мужчин, ровесников сына. Реальность ее как будто не интересовала, разве что иногда она заговаривала о Париже, что, мол, дочь обязательно прилетит и обязательно заберет ее к себе. В страну, где, подумать только, жили Ален Делон, Эдит Пиаф и Жан Дюжарден.

Вагон внезапно опустел, и Кыса понял, что проехал нужную станцию. Видно, сказывалось непривычное похмелье. Пересел в другой поезд, уже понимая, что наверняка опоздает.

— Вы опоздали на двадцать минут, я ушла на работу, — сообщил недовольный женский голос в трубке.

— Но я у вашей двери уже, — соврал Кыса, забегая в нужный двор.

— Надо было написать, предупредить. Я бы подождала, а теперь уже поздно. Давайте на послезавтра?

— Ладно, в это же время, — согласился Кыса и перешел на шаг, куда теперь торопиться.

Следующий клиент только вечером. В желудке неприятно заклокотало. Чертыхнулся. Надо бы поесть. Кыса вспомнил, что у метро была забегаловка. Медленно пошел туда. Дорогой останавливался у досок с объявлениями и срывал листки с рекламой компьютерных мастеров. Ухмылялся стоковым фотографиям парней, которые не имели ничего общего с реальными компьютерщиками, — избавлялся от конкурентов. Вообще ему нравилась его работа. Не IT-компания, конечно, не какой-нибудь успешный стартап, но зато минимум усилий, хорошие деньги, если повезет с клиентом, и куча свободного времени. Когда в кармане завибрировало, решил, что это по объявлению, которое он дал в чате жильцов дома. Обрадовался, потому что смерть как надоело мотаться по городу. Но на экране засветилось имя. Звонила Изи.

Все, что она сообщила, показалось Кысе сном или розыгрышем.

Писклявый племянский голосок рассказывал такое, что никак не укладывалось во все еще тяжелой Кысиной голове.

Нюкта якобы зарезала отца кухонным ножом, тем, что с оранжевой рукояткой. Неужели правда? Вот если бы это было правдой! От одной только этой мысли Кыса моментально обмяк, вспотел и подобрел. Неужели Нюкта избавила его от беспросветной кабалы?

— А у вас есть деньги? — осторожно спросил Кыса и сощурился. — Понятно. Держи меня в курсе, подумаю, где вас спрятать.

Почти как сестры Хачатурян, значит. В любом случае эта скотина заслужила смерть. И если уж умная и воспитанная Нюкта не выдержала, значит, причины были серьезные. Поразмыслив, Кыса решил навеститься в гости к остроносому, и, если все так, как рассказала Изи, он найдет свою долговую расписку и заберет то, что принадлежит ему. За столько лет родственничек хорошо его подоил. Но нужно быть осторожным. А если отследят телефонный звонок? Вспомнились детективы из маминной библиотеки. Не зря он их читал в юности.

Кыса пытался держаться спокойно, но ноги сами рванули к метро. Перепрыгивая через ступени, чуть замедлился перед турникетами, приложил проездной и снова побежал. Дорогой он задумался, где остроносый мог хранить деньги. Сейф это или какой тайник, чайник от сервиза,

старый кирзовый сапог. Может быть, книга? Хотя нет, точно не книга.

Итак, версия событий.

Мысленно Кыса уже участвовал в допросе, девчонок подставлять не хотелось, да, может, и не придется. То есть проспал, опоздал на вызов, поехал на другую точку, но времени оставалось полно, поэтому решил зайти к племяшкам. А тут такое горе. В гладкий ход событий не вписывался только звонок Изи, впрочем, на допросе легко будет соврать, что племяшка просила у него немного денег в долг. Во дворе Кыса достал из кармана рюкзака связку ключей, на которую Изи пару лет назад повесила запасной ключ от их квартиры. Как она сказала, на всякий случай? Так вот этот случай настал. У аптеки на первом этаже нужного дома он уже настолько верил в собственную удачу, что не заметил такси, которое вырулило из-за поворота и с визгом притормозило рядом.

— Кы-ы-ыса! Какими судьбами здесь? — слышался знакомый голос.

Понадобилось время, чтобы осознать, кому он принадлежит.

— Ты будто покойника увидел! Что замер как истукан?

Угаренко хлопнул дверью такси и стоял теперь перед Кысой в полный рост, обнимая портфельчик. Живой и здоровый, сукин сын. Щерит зубки, острые, как у кровососа. Значит, обманули малолетки, но зачем?

— Ты чего здесь, я спрашиваю? Деньги привез?

— Поговоить надо, — смутился Кыса, проглотив «р».

— Отсочку будешь просить? — передразнил зять и тут же стал серьезным. — Даже не надейся. Сколько можно уже. Пора стать мужиком и нести ответственность. А ты что бледный какой-то? Ну-ка дыхни, не с похмелья?

Кыса дышать не стал, но кивнул.

— Ладно, я сегодня добрый. В кои-то веки мой высокомерный шурин надрался как нормальный человек. Пойдем, воскрешу тебя.

До квартиры шли молча. Кысе мерещилось, что ступени пластилиновые. Стоит замешкаться, как подъезд проглотит его костлявое тело. Угаренко жили на втором этаже. Отец семейства несколько раз нажал на квадратный звонок, прислушался к блямканью и вдруг замер перед темно-багровой дерматиновой дверью.

— Ты чего? — заподозрил неладное Кыса.

— А, фух, думал, что ключи потерял, — Федор нащупал в кармане брелок и вытянул наружу звонкую связку.

Кысу встретил знакомый запах сестриных духов. На миг показалось, что он снова студент и вернулся домой после лекций, а Анька марафетится перед свиданием с каким-нибудь ботаником из хорошей семьи. Жадная дура! В очередной раз Кыса разозлился на сестру за ее мезальянс. Федя как будто тоже что-то вспомнил, со свистом потянул носом воздух и быстро огляделся по сторонам, сканируя обстановку дома.

— Интересно, куда девчонки делись! Иди на кухню и накрывай на стол, — скомандовал он и, запнув ботинки в угол, скакнул в спальню.

Кыса не хотел навязанной ему бабской роли, но кивнул. Аккуратно разулся и прошел в просторную кухню-гостиную. Что же это было? Неужели и правда плохая шутка?

Здесь стерильная чистота. Такая, что не хотелось оставлять следов своего пребывания. Даже отпечатков пальцев. А правда, что он вообще тут делает? Надо уходить. Перекус остроносый пусть сам себе накрывает. Но где девчонки? Все-таки придется остаться, чтобы хоть что-то выяснить. В животе заурчало. Кыса подключился с телефона к маленькой колонке, точно мог заглушить таким образом голод, и крутанул реле громкости. Зазвучал шаманский голос Джима Моррисона. Надо же, заезженная еще в годы юности The End зазвучала по-новому зловеще.

Кыса дернул на себя грохнувший ящик с приборами. Вот он, тот самый нож с оранжевой пластиковой ручкой, заточен, как самурайский меч. Лезвие холодно блеснуло, отразив свет точечных лампочек. Кыса открыл холодильник и, чтобы не возиться с разделочной доской, прямо на весу отполоснул кусок ветчины. Стал жевать. Рот тут же заполнило тухловатым жирком.

— Кыса, твою мать, вызывай полицию! — перекричал Моррисона Федя.

Кыса от неожиданности проглотил кусок, который собирался выплюнуть, и поспешил на крик.

Он много лет не был в спальне сестры и поэтому даже удивился, застав прежнюю обстановку. Бледные обои с выпуклыми завитками, пожелтевший от времени натяжной потолок и огромный спальный гарнитур. Распахнутый сейф, которого Кыса раньше не видел. Перед ним, словно перед иконой, стоял на коленях Федя.

— Это даже не мои деньги! Твою ж мать, позавчера только заложил, завтра передавать.

— Много было? — Кыса подумал, что заначка явно криминальная. А значит, с бизнесом не все так гладко. Прикрыл злорадство озадаченной миной.

— Сорок тысяч.

— Рублей? — неуверенно спросил Кыса.

Упырь презрительно цыкнул. Ах ты ж козлина! Ничего человеческого в тебе нет, думал Кыса и жевал губу.

— Что ты трешься там сзади? — заорал Федя. — Привык говно месить...

Дальше Кыса не слушал. Он увидел в зеркальной створе пошедшую красными пятнами, перекошенную рожу зятя. Его яростно раздувшиеся ноздри. Перевел взгляд на свое отражение. Моложавый и даже симпатичный. Но какое же уставшее лицо с потухшим взглядом. Куда девался прежний Иван Петровский? Кто убивал его все эти годы?

Кыса сделал шаг в сторону от зеркала. Кажется, спальня сестры ожила и разъехалась в пространстве, и этот проклятый бывший муж сестры, причина всех Кысиных бед, вдруг оказался

как на ладони. Кыса сфокусировался на Фединой спине, обтянутой тонкой водолазкой.

Подстрекатель Моррисон поет из кухни, что наступил конец всем планам. Ну уж нет, пора начинать строить планы заново. Нож в правой руке потяжелел. Кыса крепче сжал пластиковую оранжевую рукоятку. Изи как раз про него говорила. Именно этот ножик Ньюкта якобы воткнула под лопатку отцу. Черт, почему она этого не сделала?

— Квартиру обнесли, пока девки где-то шлялись... — под нос бубнил Федя и рылся в бумагах. — Или они же и сперли... Ньюкта-то видела, как я пачки в сейф убирал. Вот ведьма, стоило на день раньше вернуться...

Кыса не слушал, среди торчавших из сейфа бумаг заметил знакомый файл. Это его расписка. Купчая на него. Вот он, шанс! Моррисон заорал из кухни: «Kill! Kill! Kill!» Блестящее лезвие с полосой протухшего жирка, сгибаясь и вибрируя, двумя толчками проникло под острую лопатку.

Вот теперь конец.

Кыса вытянул расписку из бумажной кучи, сложил злосчастный документ несколько раз и спрятал в маленьком кармашке джинсов. Порылся в остальных доках — вроде бы ничего ценного. Заглянул в металлическое нутро сейфа — денег нет. Видимо, девчонки и правда обнесли папаню. Раз узнали, что в доме крупная сумма, причем ненадолго.

Тем временем Федя медленно завалился на бок. Скорчился, дернулся и раскорячился на ковре в неестественной позе. Алое пятно на водолазке

расползлось и темнело. Отблескивало жирным. Лицо покойника щекой на густом ворсе напоминало теперь мордочку летучей мыши.

Кыса растопырил пальцы правой руки, ладонь чистая. Только белая вмятина от ножа, и та исчезла как ненадежный свидетель.

Вытянул у мертвеца из брючного кармана не- свежий носовой платок, протер ручку ножа, ко- торая торчала из спины зятя, словно крылышко насекомого. От мертвого тела исходило какое-то бурление. Будто в трупе бродили и кипели жиз- ненные соки. Кыса, пятясь и поворачиваясь то тем, то другим боком, обследовал свою одежду, нет ли брызг. Минуты три он вертелся перед зеркалом, как перезрелая кокетка. В комнате становилось жарко: мертвец не холодел, а, казалось, нагревался как печка.

Кыса прижал руки к животу. Теперь глав- ное — ничего не трогать. И никому не попадаться на глаза.

В коридоре на Кысу глянул незнакомец с хо- лодными глазами и перекошенным ртом, как по- сле анестезии у стоматолога. Еще одно зеркало. Нашупал языком рыхлую шишку от прикуса. Ко- гда он нервничал, то не только проглатывал «р», но и жевал губы и изнанку щек.

Моррисон стал неуместен в банальной квар- тире Угаренки. У Петровских комнат было меньше, но они — просторные, с высокими по- толками. Сестра и тут повелась на количество, со- гласившись на пятикомнатное жилище, где можно